

“не бросайтесь словами”

Белла Давидович — Газете

Новая газ. — 2002 — 9 авг. — с. 15.

Если бы эти концерты Беллы Давидович проходили в Нью-Йорке, их бы обязательно предваряли интервью, статьи, шумная реклама. В Москве все очень скромно: «Воспитание не позволяет», — говорит знаменитая пианистка. Да и зачем — здесь ее прекрасно помнят, несмотря на десятилетия запрета на все, что связано с ее именем и именем ее сына — известного скрипача и дирижера Дмитрия Ситковецкого. С Беллой Давидович встретился корреспондент Газеты Илья Кухаренко.

Вы родом из Баку. Давно ли были там в последний раз?

Только что — я приехала сюда из Баку. Мне там теплее во всех смыслах. Правда, там уже немного осталось моих друзей — они теперь больше разбросаны по всему миру, в Нью-Йорке, Филадельфии.

Вас волнуют межнациональные вопросы?

Не хотелось бы что-то комментировать подробно — не моя сфера, но все же у меня создается впечатление, что президент Гейдар Алиев стремится наладить отношения с Арменией. Без сомнения, то, что случилось, — это страшно, трагично. Я ведь помню Баку еще до войны, там я начинала играть. Туда вернулась после Шопеновского конкурса. В Москве это прошло незамеченным. А в Баку меня ждала очень теплая восторженная атмосфера, концерты и так далее...

В самом деле, странно — в 1949 году у нас появилась первая в СССР пианистка, которая выиграла такой престижный конкурс, но про это предпочли забыть...

Причина, конечно же, в том, что я уехала. Мое имя исчезло отовсюду. Стерто. Вышла книжка про моего любимого и дорогого учителя Якова Владимировича Флиера, которому, кстати, будет посвящен мой концерт в БЗК. Так вот, про меня в ней — ни слова, ни звука. Понимаю — когда создавалась эта книга, мое имя нельзя было даже произносить, не то что писать. Однако же мне было очень больно.

Я попала к Флиеру в непростой для него момент — к этому времени он почти уже не мог играть. У него было несчастье с рукой: не одна операция. У него было такое имя, концерты проходили с огромным успехом, и в одночасье всего этого не стало. Тогда он стал преподавать. Он был педагог от Бога.

Что же касается конкурса — это в то время был единственный конкурс, посвященный только одному композитору. В 1995-м я уже сидела там в жюри. География участников невероятная. И, увы, проблем, конечно, много. Самая главная беда, что молодое поколение сейчас озабочено в основном скоростью и громкостью.

Ну, таковые были всегда, во все времена, особенно на конкурсах. Вы считаете, что стало еще громче и быстрее?

Что вы! Скорость такая, что иногда невозможно вообразить, как, обладая только десятью пальцами, можно сотворить такое. Кстати, это касается и студентов. Я много лет преподаю в Джульярде, кстати, была первым человеком из России, кто переступил порог этого славного заведения. И иногда меня все-таки спрашивают: «Белла Михайловна, а как это все-таки у вас звучит рояль (тихо и не без лукавства смеется), поет рояль». Но меня же именно этому учили с самого начала. С самого начала мне внушали что рояль — это не ударный инструмент. Игумнов, у которого я училась в течение года, говорил, что клавиши надо ласкать, а не толкать. Что же касается техники, то я не знаю, много ли вы слышали таких пианистов, как Гилельс, Оборин? Я никогда, ни разу не задумывалась после концертов, в каком темпе они играли. Октавы летели так, как полагается — но не мы выходили из зала и обсуждали не это.

В чем секрет вашего Шопена?

Семейная легенда гласит, что девочка трех с половиной лет забралась на стул и двумя руками подобрала по слуху (наверное, слушая радио, ведь тогда не было всей этой техники)... во всяком случае, первую страницу си-минорного вальса Шопена. (С некоторым сомнением) Представляете, какая это была рука, если она сейчас такая (показывает свою миниатюрную руку). Конечно, к этому автору всегда лежала моя душа. Когда я попала в класс к Игумнову в ЦМШ, он посадил меня на очень раннего Шопена: опус один, два — то, что сейчас почти не играют. И на этих вещах он очень много отработывал со мною, например, левую руку. Сейчас ведь левая рука очень часто в положениях Золушки. А Игумнов очень следил, чтобы все было сыграно в басу, чтобы в аккордах все прозвучало — у Шопена ведь удивительные гармонии, мимо которых запросто пролетает сегодняшнее поколение.

Пианистка, много играющая Шопена, рискует заработать от критика упреки в «женском пианизме». Эта проблема реальна или искусственна?

Я предпочитаю не делить Шопена по половому признаку. Шопен был более женственным. Жорж Санд была более мужественной, носила брюки, курила сигару (смеется), но они любили друг друга. Конечно, было время, когда Шопена играли безумно сентиментально, когда были эти, извините, сопли-вопли. Просто всегда нужно слышать эту грань, за которой кончается вкус.

Ваш сын Дмитрий довольно много рассказывал о причинах своего отъезда. Как и почему уезжали вы?

Скажу честно, мне было безумно тяжело

Белла Давидович: «Мне еще в раннем детстве объяснили, что рояль — не ударный инструмент» Фотограф: Сергей Пономарев/Газета

уезжать. Я вдова уже много лет. После смерти Юлиана в моей семье остался единственный представитель мужского пола — Димочка. Я надеялась, что он-то и станет для меня тем плечом, на которое я смогу опереться. И вот в течение двух лет все разговоры с ним стали сводиться к одному: «Уехать, уехать...» А у меня мама, единственная сестра — я не могла бросить это все вот так. По тем временам у меня была прекрасная квартира. Два рояля. Отделана была прекрасно, после чудесного ремонта — тогда не было евроремонта, был нормальный ремонт, который длился два года. Я играла, что хотела и сколько хотела. Наверное, всего пять пианистов имели тогда право играть столько, сколько им заблагорассудится. Я входила в это число. Но когда Дима... я дала разрешение. Тогда без разрешения матери уехать было нельзя, и я согласилась. Но я не могла взять сестру и маму с собой. И вместе с тем я понимала, что, если я сейчас уеду с Димой, они уже никогда с места не тронутся. Я даже думала, что буду ездить на гастроли и там видаться с Димой и даже ему помогать.

Но в январе 1978-го вдруг слетела моя поездка в Италию, потом поездка в Голландию, и я поняла, что надо уезжать.

Только зарубежные поездки стали срываться?

Нет. Моих студентов в консерватории стали вызывать к директору и объяснять, что у раз Беллы Михайловны сын уехал, ни о каких международных конкурсах для ее учеников не может быть и речи. А тогда конкурсы — это был единственный способ выделиться. Вот так. Единственный город, который отказался от меня до того, как я подала документы, — Ленинград. Уже висели афиши, уже были проданы билеты — и концерта не было. Все остальные филармонии, в Томске, в Донецке, все продолжали меня приглашать, и я играла даже после подачи бумаг. Надо сказать, я не подвергалась никаким оскорблениям ни на таможне, нигде. В отличие от моей сестры. На таможне ее спросили: «А! Вы работали в Большом театре, где ваши бриллианты?» Вот этого я безумно боялась, — я боялась, что, если меня оскорбят, я могу выйти из себя и испортить все.

Там, насколько я знаю, все наладилось довольно быстро. В 1979 году вы сыграли знаменитый концерт в Карнеги-Холле и в одночасье стали звездой. Хочу задать провокационный вопрос: почему у столь успешного музыканта так мало записей? Ведь сейчас у кого контракт, тот и гений — согласны?

(С сарказмом) О да! Дело в том, что мой контракт с Philips разорван. Они не соглашались на мои просьбы записать то или иное произведение, не очень доброжелательно смотрели на наши совместные записи с Димой, а под конец выпустили мой диск с Шопеном с цветами на обложке. Я позвонила и сказала, что если покупателю нужны цветы, то он пойдет в цветочную лавку. И после этого они разорвали контракт.

Что же до гениев, то сейчас слишком часто сорят превосходными степенями. В наши времена были «способные», «даровитые» и только потом «талантливые», а теперь сыграл в быстром темпе часть чего-то — и сразу гениальный. Не бросайтесь словами!